

К четвертой политической теории: интервью с Аленом де Бенуа

Беседовал Леонид Савин

13.11.2009

В издательстве «Амфора» вышла книга современного французского философа Алена де Бенуа «Против либерализма». В предверии визита Алена де Бенуа в Россию на Дни философии в Санкт-Петербурге, предлагаем Вашему вниманию интервью с французским мыслителем.

-В вашей новой книге уделяется много внимания критике либерализма как одной из главенствующих идеологий. После начала мирового финансового кризиса в Европе произошла определенная переоценка либеральных идей. Каковы шансы у европейского общества на адекватное переосмысление либеральных концепций? И возможен ли уход от западноевропейского логоцентризма?

-Экономический кризис, который разразился в Соединенных Штатах осенью 2008 г. и быстро затронул весь остальной мир, несомненно, произвел некоторые изменения в коллективном сознании людей, но я не уверен, что он заставил их «переоценить либеральные идеи» по меньшей мере по двум причинам. Первая состоит в том, что связь, существующая между либерализмом, понятым в политическом и философском смысле и капитализмом пока еще ясно не осознается. Вторая состоит в том, что общественное мнение еще не до конца понимает природу данного кризиса. Многие придерживаются официального объяснения: кризис имеет-де преходящий характер и связан он с недостаточным регулированием финансовых рынков и большой задолженностью американских домохозяйств по кредитам (т.н. subprimes). Это объяснение не является ложным, но затрагивает лишь те причины кризиса, которые лежат на поверхности. Оно маскирует системный характер данного кризиса, затрагивающий общую структуру капитализма в том виде, в котором она складывалась в течение последних двух десятилетий. Нынешний кризис, который гораздо сильнее кризиса 1929 г., и который вовсе не закончился вопреки ряду утверждений, не является только финансовым кризисом. Его истоки находятся в той модели турбокапитализма, который сложился в конце 20-го века. Под ним я понимаю «постфордистский» капитализм, ведущий к снижению реальной заработной платы. Он оказывает давление на трудящихся двумя способами: с помощью акционирования и с помощью делокализации производств (это, в свою очередь, становится возможным благодаря глобализации) и тем самым снижает оплату труда, вызывая тяжелые социальные последствия.

Сегодня господствующая идея состоит в том, что нужно исправлять «эксцессы» последних лет для того, чтобы машина капитализма снова заработала в исправном состоянии. Можно привести сравнение: яблоко находится в корзине, но чтобы сохранить яблоко некоторые считают, что корзину также надо сохранить. На самом деле больна сама система. На самом деле мы не вылечим систему ни снижая бонусы трейдеров, ни закрывая «фискальные парадизы» (оффшорные зоны). Нужно подвергнуть сомнению всю систему, непрерывно производящую патологии, а вот это как раз и отказываются делать.

Не забывайте, что капитализм, как блестяще показал Карл Маркс, не сводится только к рыночным отношениям. Это режим накопления и сверхнакопления, состоящий из совокупности социальных отношений, в числе которых товарно-денежные отношения, отношения заработной платы, опредмечивание (*Verdinglichung*) социальных отношений, вызванное фетишизмом товара. Сегодня доминирует не «слепота во время катастрофы» (**Хайман Минский**), но попытка отвлечь обывателя от истинных целей виновников кризиса. Сюда входят и призывы ко морали («нужно сделать капитализм более моральным»), и зрелищное использование «развлечений» с тем, чтобы отвлечь массы. Социальный наркоз, однако, носит временный характер. Индивидуумы не освободятся от товарного отчуждения до тех пор, пока получают от него выгоду. Но что будет, когда они эту выгоду перестанут получать?

-Что Вы думаете о попытках выработки новой политической теории? Например, четвертой, концепцию которой предложил А. Дугин?

-Я с большой симпатией отношусь к идее «четвертой теории». Либерализм родился в 18 веке, коммунизм в 19-м, фашизм в двадцатом. Исторические формы этих идеологий показали их пределы. Кажется логичным, что двадцать первый век послужит к рождению четвертой теории. Нужно, однако, определить ее содержание. На мой взгляд эта теория должна обладать двойным характером. Во-первых, она должна быть адаптирована к реальности современного мира, и не должна основываться на ностальгических грезах, неактуальной аналитике и устаревшем концептуальном инструментарии. Мы живем не в эпоху национальных государств, которые были великими акторами эпохи Модерна, но в период «постмодерна», т.е. общин, сетей и континентальных империй. С другой стороны, четвертая теория должна превзойти три предыдущие в гегелевском смысле *Aufhebung* (снятия), в том смысле, что снятие означает одновременно синтез всех здоровых элементов, присутствующих в прошлых теориях.

-И как вам видится дальнейшая трансформация институций власти в Европе? В ответ на изменения происходит соответствующая когнитивная рефлексия – появляется множество терминов - нетократия, плюрархия...

-Я отдаю предпочтение политической конструкции объединенной Европы, т.к. полагаю, что национальные государства уже не в силах справиться с теми вызовами, которые выдвигает современный мир. Модель национального государства оказалась в кризисе еще до Второй мировой войны. Она уже не производит социальность. Впрочем, я являюсь сторонником федерализма, т.к. только федеративное устройство Европы может обеспечить необходимое сочетание единства наверху и разнообразия внизу.

К сожалению, строительство Евросоюза с самого начала осуществлялось в неверном направлении. Вместо того, чтобы начать с усиления политических и культурных связей во главу угла поместили экономику и торговлю в надежде, что «экономическое гражданство» само по себе приведет к появлению гражданства политического. Этого не произошло. Новую Европу захотели построить сверху, исходя из Европейской комиссии, технократической и функциональной, не избранной согласно демократическим процедурам, а не снизу, начиная с общин и регионов, взаимодополняющих друг друга. При проведении этого строительства мнение народа никогда не учитывалось. Все это привело к многим несуразностям. Например, обсуждают европейскую конституцию, в

которой не прописано, какие органы будут осуществлять власть в объединенной Европе. После падения берлинской стены началось ускоренное расширение Европы за счет стран и народов, плохо подготовленных к тому, чтобы в нее войти. Европейские настроения некоторых из них весьма сомнительны, т.к. для них было важнее не объединение с другими европейскими нациями и укрепление европейских структур, но сближение с США и НАТО. Наконец, объединители не позаботились ни о будущем языке объединенной Европы (ясно, что им не может быть английский), ни о европейских границах (отсюда дебаты о целесообразности включения Турции в ЕС), ни о целях европейского объединения.

Хотят ли сделать из Европы простое пространство свободного обмена, интегрированное в атлантический ансамбль или построить на ее месте могущественную державу, которая станет настоящим плавильным тиглем и очагом цивилизации и культуры? В этом весь вопрос.

Сегодня дефицит демократии в европейских институтах более чем очевиден. Доминирующей является идея «управления» (фр. – *gouvernance*-прим. пер.), по образцу управления предприятием (корпоративного управления), которое сводится к господству экспертов. В то же время не перестает углубляться пропасть между новым правящим классом и народными массами. Становятся более понятными взгляды **Карла Шмитта**, считавшего понятие «либеральная демократия» оксюмороном, т.к. демократический принцип несочетаем с либеральной философией. Либеральные демократии, легитимность которых зиждется на парламентском правлении, к нашему времени превратились в олигархии, находящиеся на службе у Капитала.

-С политическим тесно связано такое понятие как граница, чему немало уделяли внимание Карл Шмитт, Фредерик Дж. Тернер и др. Но границы одновременно сближают и разделяют, в то же время отмечая конкретные пределы места, наделяя его строгими смыслами. При этом, если раньше происходило освящение места, то в эпоху модерна наоборот – его десакрализация. Можно ли говорить о новой модели топоса вместо у-топии и локуса, ведь объектам и местам приписываются смыслы и наделяются роли, которые обретают объективную достоверность после того, как была проделана какая - то операция. В контексте постмодерна можем ли мы говорить о постместе?

-Авторы, которых Вы цитируете, имели основания сближать понятие «политического» и понятие «границы». Политическая жизнь не может разворачиваться иначе как на определенной территории, а эта территория подразумевает существование границы. Политическое действие всегда мобилизует «нас» на противостояние «другим». В «универсальном» государстве политика быстро испаряется, в то время как внешние войны становятся войнами гражданскими. Те, кто хотят быть «гражданами мира», совершают двойную ошибку. Прежде всего, они забывают, что «гражданство» является понятием политическим. Можно быть гражданином определенной общины или политического сообщества, но не абстрактного мира. К тому же, если они хотят быть космополитами, то тогда не понятно, с какого места исходит их дискурс. Желать быть повсюду означает желать быть нигде.

Граница в нашей время изменила свой смысл. В эпоху Модерна граница означала материальный предел и материальную защиту. Они также поддерживали длительное

существование коллективных идентичностей. Они, разумеется, не были непроницаемыми, но играли роль своего рода фильтров (их можно было сравнить со шлюзами на пути волн). Сегодня границы более не останавливают ни людей, ни товары, ни экспансию технологий, ни распространение образов и символов. Глобализация ведет к гомогенизации культур и образов жизни. В то же время общее место, место обще-жития, ассоциирующееся с социальной связью (французская игра слов «место» - lieu, «связь» - lien) остается сущностным элементом человеческой жизни не только как «среда» этой жизни, но и как важный элемент, определяющий становление и метаморфозы народов. С этой точки зрения я являюсь сторонником понятия месторазвитие, введенного в оборот русскими евразийцами **Петром Савицким** и **Львом Гумилевым**. Оно обозначает идею места, топоса, но в то же время подразумевает развитие народов. Эта идея рассматривает пространство как судьбу. Если обратиться к классической оппозиции между Сушей и Морем, то эта идея со всей очевидностью отсылает к логике Суши. Ведь только на твердой почве возможно появление границ и определение территорий, в то время как Море знает только волны, бесформенные приливы и отливы.

-Гастон Башляр говорил, что месту приписывается кажущийся опыт, а объективная реальность менее важна. Как на Ваш взгляд происходит поэтический процесс осознания мест (если таковой имеется), который приводит к рациональному и эмоциональному смыслу?

-Я думаю, что уже ответил на этот вопрос. Реальность, которую мы можем схватить, неотделима от места, от пространства, в котором происходит это схватывание. Так же как любая «объективная» реальность неотделима от видения мира, в котором ее воспринимают, факты не могут быть оторваны от их интерпретации, а всякая феноменология ведет к герменевтике. Феноменология – это наука непосредственного восприятия «феноменов», т.е. в этимологическом смысле того, что показывает нам себя, дает себя схватить. Она позволяет не только объяснить (чем ограничиваются точные науки), но и понять феномены. Такое понимание зависит от пространства, в котором мы находимся. Здесь можно увидеть поэтический процесс, если понимать поэзию, исходя из пойсиса в противоположность праксису, беря эти древнегреческие философские категории в том смысле, какой они получили в фундаментальной онтологии **Хайдеггера**.

-Продолжая рассматривать идеи Башляра, можно ли говорить о существовании коллективной мечты о Новой Франции, Новой Европе, Новой России? Хайдеггер в отношении России говорил: “Die Geschichte der Erde der Zukunft ist aufbehalten im noch nicht zu sich befreiten Wesen des Russentums” ...

-Изначальным деянием любой великой эпохи является территориальное присвоение большого масштаба. Присвоение здесь идентично тому, что древние греки называли номосом, т.е. разделу, но также конкретному фундаментальному порядку и, следовательно, закону. Карл Шмитт много писал про «Номос Земли», т.е. свойственную для каждого большого периода организацию раздела Земли и порядок международных отношений. Он писал также про то, что Земля к нашему времени знала три сменяющих друг друга номоса.

Первый продолжался с момента начала человеческой истории до открытия Нового Света. Второй продолжался до Второй мировой войны и заключался в разделе планеты между

европейскими державами. Третий (1945-1989гг.) соответствовал двухполярному (советско-американскому) порядку эпохи Холодной войны. После падения берлинской стены и краха советской системы мы вошли в переходный период. На сегодняшний день все более остро встает вопрос: «Каким будет новый номос Земли?». Идем ли мы к однополярному миру, в котором доминирует главная сверхдержава современности США? Или, как я бы этого хотел, к многополярности, в рамках которой большие континентальные ансамбли, великие пространства цивилизации и культуры устанавливали бы новую диалектику отношений и играли роль регуляторов глобализации? Будет ли установление «четвертого Номоса Земли» идти рука об руку с установлением «четвертой политической теории»?

Такое вопрошание неотделимо от воскрешения проблематики Суша/Море, о которой я уже говорил. В рамках многополярного мира политическая и территориальная логика Суши обречена на невиданное до того противостояние с финансовой и коммерческой логикой Моря. Принципиальное противоречие сейчас проходит между США и великим Евразийским континентом. Если Новой России суждено состояться, как я этого желал бы, то она должна стать имперско-федеральным ансамблем, способным играть роль Хартлэнда Евразии. Россия сейчас является главной целью силовых энергий современности, центром той проблематики, с которой мы сталкиваемся. Что касается Европы, то она составляет отдельную от России целостность, но ее судьба неразрывно связана с Россией. Существует политическая, стратегическая, промышленная, технологическая комплиментарность между Россией и Европой. Но этого мало. По определенным причинам Европа сегодня заблокирована, парализована, беспомощна. Она лишена энергии. Институты, которые ею руководят, не видят для нее другого будущего кроме как быть частью «атлантического» пространства, быть накрепко привязанной к Америке, что является геополитическим абсурдом. Таким образом, пробуждение Европы зависит в первую очередь от того, какой завтра станет Россия. Взгляды европейцев должны быть направлены не на Запад, а на Восток.

-Если топос связан с человеком, то как Вы определите нынешний антропологический статус человека в зависимости от его места (человек Запада, Востока, других регионов)?

-В настоящее время в западных странах доминирует антропологический статус либерального индивидуализма. Это статус производителя-потребителя, осмысление которого возможно в рамках хайдеггеровской концепции о поставе (Gestell), устремленном в дурную бесконечность. Было бы большой ошибкой полагать, что капитализм является только экономической системой. Это также система антропологических оснований. Она приводит к появлению особого человеческого типа, эгоиста, постоянно ищущего пути извлечь из всего максимальный частный интерес. Утверждение такого человеческого типа идет рука об руку с господством рыночных ценностей над остальными: все в рыночном обществе поддается подсчету и оценке. Сегодня Homo occidentalis (Человек западный) совпадает с Homo oeconomicus (Человеком экономическим). Такому типу человека противостоят все формы культуры и сакральности, отказывающиеся подчиниться иссушающему рационализму, духу прибыли и идеологии прогресса. Для России вопрос стоит следующим образом: прельстится ли она в очередной раз сладким голосом сирен Запада или найдет в себе силы вернуться к своей

истории и к своей тысячелетней вере и выработать другой тип человека, противостоящий тому, который господствует в настоящее время. Может быть, будущее мира зависит от ответа на этот вопрос, который можно сформулировать следующим образом: что победит в конце концов – общность Бытия или диалектика Обладания (Иметь или Быть)?

-Наряду с пространством другой важной философской, социальной и политической категорией является время. Если стало возможно говорить о наличии альтернативных пространств (социальных, виртуальных), какова на ваш взгляд сущностная специфика нового времени?

-Вы правы, когда настаиваете на важности понятия времени. Именно ясное осознание темпоральности, т.е. конечности человеческого бытия обосновывает способность постижения истории, ту самую историчность, которая отличает человека от животного. Однако, само собой существуют разные концепции темпоральности. Я не разделяю линейную концепцию времени, берущую начало в христианской теологии, но затем секуляризованную и выродившуюся в конце концов в обоснование теории прогресса. Согласно линейной концепции времени, человечество направляется из абсолютного начала в абсолютный конец. Всем народам по этой логике суждено пройти одну и ту же дорогу и преодолеть одни и те же этапы. В такой оптике прошлое обязательно теряет ценность: архаика больше не подразумевает смысла архэ (начала-древнегреч.). Каждое последующее мгновение представляет собой прогресс по отношению к предыдущему, а новое ценится больше лишь потому, что оно новее. Я, наоборот, считаю, что исторический ход времени не имеет направления: история открыта и, как говорил Ницше, сфера бытия может в любой момент совершить вращение в любом направлении. При таком взгляде прошлое невозможно определить как то, что имело место только один раз в истории и для всех и будущее как то, что ожидает нас только один раз. Прошлое, настоящее и будущее не являются радикально отличными друг от друга моментами одного и того же континуума, точками на одной и той же прямой. Прошлое, настоящее и будущее являются измерениями вечного настоящего и могут рассматриваться как чередующиеся времена только в рамках мгновения. Только при такой концепции времени можно понять, каким образом Постмодерн связан с Премодерном, обгоняя его.